

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ДУБРОВСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1893-7873; ldubrovskaya@inbox.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН НАЧАЛА XX ВЕКА В ПОГРАНИЧНОЙ КАРЕЛИИ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена эго-документам православных священников начала XX века, прежде всего дневниковым записям, появившимся в 1908 году в «Олонецких губернских ведомостях», и публикациям 1916 года в журнале «Карельские известия», которые принадлежат перу помощника карельского синодального миссионера иеромонаха (первоначально иеродьякона) Валаамского монастыря Исаакия (Ивана Романовича Трофимова). Подчеркнуто значение опубликованных текстов как важного элемента региональной культуры карельско-финляндского приграничья, вписанного в общий большой пласт памятников культурного наследия и отразивших региональную специфику территорий по обе стороны границы под влиянием религиозного и национального факторов. Несмотря на многочисленные исследования по вопросам религиозной жизни в карельских селениях начала XX столетия, ранее не проводился подробный содержательный анализ этнографических наблюдений миссионера и его размышлений над особенностями духовного мира карельского крестьянина на основе впечатлений от посещения конкретных населенных пунктов Салминского уезда. Источники позволяют выявить территориальные аспекты взаимодействия двух основных конфессиональных пространств Пограничной Карелии – православного и лютеранского вероисповеданий – на заключительном этапе имперского периода российской истории. Впервые вводится в научный оборот обнаруженное в Национальном архиве Финляндии обращение священников Михайловых из с. Шуйстамо к Выборгскому совету рабочих и солдатских депутатов в начале Февральской революции. Анализируемое «письмо во власть» примечательно свидетельствами очевидцев о последствиях взаимного провоцирования противоборствующих сторон в «сражениях за душу карелов». Сделан вывод, что исследование приходской жизни в рамках отдельных приграничных территорий, основанное на прежде не привлекавшихся эго-документах православных священников, является жизнеспособным подходом к изучению роли религиозного фактора в социальной истории Пограничной Карелии рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Пограничная Карелия, православные священники, иеромонах Исаакий, травелог, «письма во власть», предреволюционное десятилетие, 1917 год

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дубровская Е. Ю. Религиозный фактор в контексте общественных перемен начала XX века в Пограничной Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 62–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1352

ВВЕДЕНИЕ

В годы Первой мировой войны до предела обострились противоречия между российской политической элитой и национальным движением Финляндии, сохранявшей до 1917 года статус автономного Великого княжества в составе Российской империи. Продолжался конфликт между финскими националистическими мыслителя-

ми, которые воспринимали населенную карелами территорию, в том числе и Российскую Карелию, как часть общефинляндского «идеального Отечества», с одной стороны, и имперской светской и духовной властью на пограничных территориях – с другой [3: 336]. Проследив историю создания и деятельности Православного карельского братства в Российской Карелии, известный петрозаводский ученый Н. А. Кораблев показал,

что источником конфликта оставалось не различие своей и карельской культуры, но стремление каждой из противоборствующих групп смягчить эти различия, унифицировать культурное пространство [8].

Объявление войны в августе 1914 года закономерно повысило интерес к публикациям в периодической печати как со стороны читательской аудитории в карельско-финляндском приграничье и в православных приходах Финляндии, так и со стороны имперской власти и губернского руководства по обе стороны границы. Если публикации, появлявшиеся в автономном Великом княжестве накануне Первой мировой войны, ставили целью отыскать истоки «золотого века» финской истории, национальной культуры и идентичности в Российской Карелии, воспринимавшейся как хранилище древних традиций, то публицистическая деятельность служившего здесь православного духовенства во многом способствовала формированию у читателей стереотипизированного восприятия «коварной и неблагодарной Финляндии» и предостерегала от влияния так называемой «панфинской пропаганды» [12: 85–91, 105–109], [19: 7–13, 63–67]. Эти проблемы подробно рассмотрены М. А. Витухновской – автором монографического исследования о Российской Карелии в имперской политике России 1907–1917 годов [3].

Как отмечают исследователи, Русская православная церковь, институт основного государственного вероисповедания, особенно в синодальный период ее истории, была интегрирована в такие сферы российской национальной государственности, как социально-политическая, внешнеполитическая и культурно-просветительская. Вот почему

«без учета церковного фактора не может быть полным, объективным и исторически адекватным» исследование развития «межэтнических, этнорелигиозных, межконфессиональных отношений во внутренних регионах России и за ее пределами», а также «в зонах российских геостратегических интересов и влияния, где национальные задачи, как правило, с неизбежностью входят в соприкосновение с интересами других держав» [9: 70–71].

Крупнейший специалист по истории Великой российской революции 1917 года петербургский историк Н. Н. Смирнов, рассмотрев дискуссионные проблемы, возникающие при определении «религиозного фактора» в историографии, подчеркнул, что в современной светской науке отсутствует его однозначное толкование, поскольку нет общего для политологической, философской и социологической наук понимания термина «религия».

Основываясь на результатах коллективного исследования ведущих специалистов, касающихся роли и значимости религиозного фактора в годы Гражданской войны в России [13], Н. Н. Смирнов предложил рассматривать религиозный фактор как совокупность множества составляющих, которые воздействуют на социальную, общественно-политическую, духовную, культурную и национальную жизнь общества, определяя «порядок функционирования религии и ее институтов в системе отношений государства и общества», а также влияние религии как социального института на нерелигиозные формы общественной жизни [15: 316].

В центре научных изысканий, стремящихся определить черты той или иной эпохи, все чаще оказывается время, которое отражает специфику давно минувшего или не совсем отдаленного прошлого и может быть узнаваемо через судьбы людей, оставивших в нем свой след. Увидели свет работы, посвященные подвижническому труду деятелей Церкви, чье служение было связано как с карельско-финляндским пограничьем начала XX века, так и с православными приходами Великого княжества Финляндского¹. Среди них – статья Н. А. Басовой, изучившей связанный с Карелией период жизни священномученика Уара (о. Петра Шмарина) [2]. В течение шести лет он был настоятелем Крестовоздвиженской церкви на о. Матсинсаари в Северном Приладожье и являлся одним из создателей и редактором периодического издания Финляндской и Выборгской епархии «Карельские известия». Этот журнал с 1913 года первоначально издавался машинописным способом силами участников православного кружка в с. Салми, а с началом Первой мировой войны и до весны 1917 года выпуск «Карельских известий» взяло на себя Главное (Финляндское) отделение Православного карельского братства в Выборге [11].

Борьба российских властей за «прорусскую» идентичность карелов против попыток «других» соседей присваивать и воспроизводить элементы карельской культурной традиции стала характерной чертой периода, предшествовавшего началу Первой мировой войны и особенно военному времени. Значительная роль в этой борьбе отводилась публикациям на страницах православных периодических изданий, которые призваны были влиять на общественные настроения жителей карельско-финляндского приграничья и формировать позитивное отношение к центральной российской власти в условиях имперских трансформаций этого периода.

По наблюдениям исследователей, в годы Первой мировой войны периодическая печать стала весьма важным элементом публичной сферы, в рамках которой шло формирование общественного мнения, тем более что в переходные периоды общественного развития значение печати в социальных процессах неизмеримо возрастало. В военное время в этой сфере происходили особенно значительные изменения [1: 8, 10].

Одним из авторов «Карельских известий» стал иеромонах Валаамского монастыря Исаакий (Иван Романович Трофимов) (1872–1952), помощник карельского синодального миссионера². Его хорошо знали в Приладожской и Олонецкой Карелии как катехизатора при Православном Карельском братстве, с 1910 года исполнявшего должность псаломщика в Полвиярвской церкви прихода в Тайпале³. Выходец из ингерманландской семьи крестьян Петербургской губернии, Исаакий, свободно владевший финским и карельским языками, неизменно участвовал в миссионерских поездках с проповеднической целью по обе стороны границы автономного Финляндского княжества.

В журнале публиковались подробные описания более десяти миссионерских поездок по приходам с карельским населением Архангельской, Олонецкой и Выборгской губерний. Их совершили возглавлявшие миссию епископ Киприан (в миру Алексей Яковлевич Шнитников), который вошел в историографию с именем «апостола Карелии», а после его кончины в июне 1914 года – преемник Киприана на посту епископа Сердобольского, викария Финляндского и главы карельской миссии Владыка Серафим (Александр Лукьянов)⁴ [10: 253–255, 304–308].

Иногда такие путешествия православного духовенства сопровождались чтениями с «туманными картинками» (прообраз современных средств визуализации) и распространением «назидательной литературы» на русском, финском и карельском языках. Поездки епископа-миссионера Киприана в Беломорскую Карелию, в которых на протяжении шести лет неизменно участвовал иеромонах Исаакий, подробно описаны О. И. Ходаковской [17]. Московская исследовательница Т. И. Шевченко, старший научный сотрудник Отдела новейшей истории РПЦ Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, проследила историю Валаамского Спасо-Преображенского монастыря в период становления Финляндской православной церкви (1917–1957)⁵.

Публикациям «Дневника карельского миссионера» иеромонаха Исаакия 1914–1916 годов и его

путевым наблюдениям, сделанным во время поездок по Беломорской и Олонецкой Карелии, прежде было уделено достаточное внимание⁶ [4: 241–248]. Однако практически неисследованным остается источник, который свидетельствует о первом опыте ведения путевых записей в дни его путешествий по Северному Приладожью и подготовки их к публикации, приобретенном Исаакием в начале XX века, в период сотрудничества с петрозаводским журналом «Олонецкие епархиальные ведомости».

При изучении такого аспекта воздействия религиозного фактора на общественную жизнь населения приграничья, как миссионерские поездки православного духовенства епархии на сопредельные территории по обе стороны российской-финляндской границы, особый интерес представляют ранние наблюдения Исаакия, отразившиеся в его «Дневнике катехизатора»⁷. Он, тогда еще иеродьякон, вел дневник во время двухнедельной поездки по Северному Приладожью в июне 1908 года и в том же году опубликовал путевые заметки в четырех номерах епархиальных «Ведомостей». К началу Первой мировой войны описание миссионерских путешествий сформировалось в качестве самостоятельного жанра, востребованного журналом «Карельские известия».

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на конкретном материале травелога иеродьякона Исаакия и его более поздних журнальных публикаций 1916 года, а также обращения «во власть» шуйстамских священников Михайловых, относящегося к марту 1917 года, проследить, как в рассматриваемых текстах отразилась региональная специфика описываемых территорий, обусловленная воздействием религиозного и национального факторов. Привлеченные источники обозначаются вслед за екатеринбургской исследовательницей Н. В. Суржиковой «зонтичным» термином «эго-документы» [20] и объединяют, в частности, дневниковые записи, травеложные тексты, «письма во власть» и др. Непременным свойством таких источников является автобиографичность – очевидная или скрытая [16: 25].

Автор исходит из того, что изучение субъективных аспектов исторических процессов, человека и социальных групп в истории, их самочувствия, устроения, эмоций – всего того, чем занимаются, в частности, «интеллектуальная история» и историческая антропология, невозможно без обращения к культурным, прежде всего словесным феноменам не просто как к «ис-

точникам», но как к предмету исследования, что методологически важно.

ФИНСКАЯ КАРЕЛИЯ И РУССКАЯ КАРЕЛИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ: УЗНАВАНИЕ, ОПИСАНИЕ, ПОТЯСЕНИЯ

Предваряя публикацию «Дневника катехизатора», редакция «Олонецких епархиальных ведомостей» подчеркивала, что он «печатается для ознакомления местных деятелей карельской миссии и всех, интересующихся ее делом, с духовным состоянием» карелов и «условиями миссионерско-просветительской деятельности» среди них⁸.

Иеродьякону Исаакию, выехавшему с острова Валаам на пароходе «Карьяла» 10 июня 1908 года, предстояло посетить села и деревни Приладожской и Олонецкой Карелии, побывать в населенных пунктах Салми, Кязняжи, Оружъярви, Колатсельга, Палоярви и в самом отдаленном уголке Салминского прихода – деревне Хюрсюля. Уроженец Ингерманландии, общавшийся с карельскими крестьянами без языкового барьера и стремившийся, по его словам, «подробно ознакомиться с жизненным бытом карел», он, в отличие от многих, мог описывать жизнь прихожан «напрямую». Как отмечает О. П. Илюха, рассмотревшая вопрос о репрезентации «племен» и «народов» на страницах «Олонецких епархиальных ведомостей», путевые заметки Исаакия отражают детали повседневной жизни населения приграничья, описывают бытовое поведение, суеверие и специфику карельского православия, особенности путей сообщения и культуру путешествия. Если в статьях сельских священников описания их приходов, как правило, даются без внимания к этнографическим особенностям, то исследуемые дневниковые записи выигрышно отличаются в этом отношении [5: 22].

Приладожская Карелия входила в состав Салминского и Сортавальского уездов Выборгской губернии. Здесь вдоль границы с Олонецкой губернией проживали православные карелы, говорившие на ливвиковском диалекте, находились многолюдные православные общины и действовали храмы в Сердоболе (апостолов Петра и Павла), Суйстамо (Шуйстамо) (святителя Николая Чудотворца), Салми (святителя Николая Чудотворца), Киделе (архангела Михаила), Корписельге (святителя Николая Чудотворца), Суоярви (Святой Троицы). И в Северном Приладожье, и в Олонецкой епархии, где, по наблюдениям Ю. Н. Кожевниковой, паломнические пути к монастырям были нелегкими, возникавшие

перед путешественниками препятствия придавали особый смысл самому паломничеству. Чтобы достигнуть монастырской святыни, требовалось преодолеть немалые трудности на протяжении десятков верст [6: 239].

Рассказывая об обычаях жителей деревни Хюрсюля, где насчитывалось не более 40 дворов, иеродьякон Исаакий обратил внимание на то, что «посты у них соблюдаются строго, кроме Петрова», который иные нарушают, называя «бабьим постом». Праздник Святой Пасхи «встречается и проводится торжественно», на второй день Пасхи опять ходят в часовню «Спуассуа каймама», то есть «Спасителя обнимать». Празднование памяти святителя Николая Чудотворца, покровителя часовни, в Хюрсюля совершалось в первое воскресенье после праздника Покрова: оно «проходит в два дня и совершается весьма шумно». В этот день из с. Вешкелицы на русской стороне сюда приезжал священник, совершал торжественное богослужение в часовне и обходил все дома деревни⁹. Из «Дневника» читатели журнала узнавали, что в деревне Оружъярви часовенный праздник Николая Чудотворца совершался в первое воскресенье после Петрова дня, поскольку в находившейся неподалеку женской обители, дотла разоренной во время давнего шведского нашествия, этот престольный праздник отмечался именно так¹⁰.

Общечтимые в православном мире праздники – Петров день, Иванов день, Св. Пророка Божия Илии и др. – жители Хюрсюля соблюдали строго, но «о Господских и Богородичных праздниках говорить не остается», сокрушался миссионер¹¹. По словам Исаакия, «поминовение усопших в установленные церковью дни тоже совершается, хотя и не во все», в Радоницу и Дмитриевскую субботу

«ходят на кладбище с испеченными пирогами и лепешками, помолившись, помянув родителей и сродников, возвращаются домой и все вместе обедают, а до возвращения с кладбища никто из домашних не вкушает пищи»¹².

Путешественник отметил, что хюрсюльцы «о крещенской и святой воде понятия мало имеют, многие совсем не берут ее и не употребляют в течение года»¹³, также «не имеют понятия» и о чтении Псалтири. Описывая похоронный обряд, он рассказал о языческих магических действиях, связанных с железным предметом – кочергой, положенной на то место, где усопший в течение трех дней лежал в избе на лавке в погребальной одежде. Есть дневниковая запись о том, что во время движения похоронной процессии на кладбище и на поминальном обеде покойни-

ка оплакивают – «(голосят) с причитыванием», а на сороковой день и годину проводят большие поминки, по-карельски называемые «мустажи».

«Мустажи» в Салминском приходе «бывают грандиозные», перед их совершением

«за месяц или более ходят по деревням и приглашают родственников, знакомых и незнакомых, и от всех приглашенных лиц собираются списки имен знакомых, так что иногда собирают до тысячи имен. В означенный день все званные собираются в церковь, если она близко, или же в часовню для молитвы, заказывают Литургию, на которой все имена поминаются»,

а затем батюшку приглашают отслужить панихиду на могиле усопшего и зовут всех собравшихся на поминальный обед¹⁴.

Не менее интересны наблюдения Исаакия над свадебным обрядом жителей приграничья. Он с сожалением пишет о том, что молодые «женятся и выходят замуж большей частью без родительского благословения» и даже без ведома старших, когда жених увозит к себе невесту, а «затем только исполняется документальный обрядовый порядок для вступления в законный брак». Известно было, что перед венцом многие ходят к ворожеям и знахарям «для противодействия заколдовываниям».

«По возвращении от венца, помолившись Богу, жениха и невесту сажают на печку и там они обедают, а другие свадебные гости в это время кушают за столом. Когда я спрашивал, для чего их на печку сажают, то ответ получил такой: “они озябли дорогой и их нужно согреть”. Далее я спросил: “а если это теплое летнее время?”, но на это разъяснения не последовало»,

– отметил Исаакий. «Дневник» сохранил описание еще одного варианта проведения обряда перехода, призванного обеспечить благополучное, сытое и счастливое будущее новой семьи, о котором иеродьякон услышал во время путешествия:

«Мне говорили, что при въезде новобрачных на сарай, когда они сойдут с саней или телеги, встречает их один из родственников». «Одевшись в шубу шерстью вверх», тот «сеет из лукошка на новобрачных рожь или ячмень», а они идут и «держат руки так, чтобы уловить хотя несколько зерен, которые и хранят всю жизнь»¹⁵.

Православного миссионера озадачили неизвестные ему этнографические особенности описанных обрядов, однако об их значении «никто не мог рассказать мне», – посетовал автор «Дневника». По-видимому, карелы умышленно отказывались пояснять православному священнослужителю магический смысл упомянутой обрядовой деятельности.

Описывая «быт и нравы» населения деревни Кязняжи, включавшей 55 дворов, иеродьякон Исаакий подчеркнул, что «форма построек»,

а также внутренняя обстановка домов «более подходит на финский, чем на карельский лад». На вопрос, собираются ли жители деревни в праздники, чтобы помолиться в часовне, он получил утвердительный ответ: в эти дни «грамотные читают там молитвы по-русски и по-фински». Как и в Оружъярви, люди здесь «к благословению священника не приучены», однако «здороваться обычным способом любят, даже дети подходят, подают ручку и говорят “терве”, по-русски значит “здравствуй”»¹⁶. По свидетельству миссионера, в Кязняжи была церковно-приходская библиотека, но когда ее заведующая – учительница передвижной школы – в летнее время уезжала на родину, «библиотека бездействует, почему и не достигает своей цели». Исаакий предложил кому-либо из жителей взять на себя заведование библиотекой под началом Православного Карельского братства, в случае если бы удалось получить разрешение на ее открытие. По его словам, такое предложение было встречено сочувственно, однако инициатива осталась нерезультативной. В заметках о посещении деревни Кязняжи он объяснил это неподготовленностью населения к подобного рода занятиям, ведь «наш приезд, проповедь и служба» были здесь первым явлением: «таких поездок не сохранилось в памяти даже самых ветхих стариков»¹⁷.

«Карелы любят молиться», хотя на чужом языке «слов не понимают», «вера в них крепка, хотя и много в них суеверия. Они, не зная теории веры, во многом проявляют ее в жизни», – записывал Исаакий. По его наблюдениям, отправляясь в далекие паломнические путешествия, приладожские карелы «оставляют не ради лени, а ради благочестия свои обычные занятия», большей частью совершают их пешком, «подвергают себя разным лишениям и затруднениям»¹⁸. Во время поездки он оказался свидетелем того, как «народ массами проходил через Оружъярви, следуя на Валаам», в эти дни «приближались наши Валаамские праздники, свято чтимые местными карелами»¹⁹. Миссионер с удовольствием отметил, что на Валаам ходят, хотя и средства скудные, и идут издалека, «некоторые по 5–6 дней идут пешком от Салмы»²⁰. Многие бывали в Соловецком монастыре, добираясь туда через Русскую Карелию.

Вместе с настоятелем Салминской церкви, который во время совместной поездки должен был посетить самые отдаленные края своего прихода, Исаакий участвовал в богослужениях, по-карельски обращался к крестьянам с проповедью и распространял «назидательную литературу» на русском и финском языках, а также переводы

на карельский, сделанные священником Виктором Никольским и выпущенные в свет издательской комиссией при Православном Карельском братстве [3: 204–205]. По словам автора «Дневника», переведенные тексты «проверяются и исправляются таким путем при помощи народа».

«Да, эта нива требует трудов неустанных, отеческих, надо пробуждать народ от долгого крепкого сна, надо указать ему цель жизни, развить вкус к слушанию живого слова евангельского. Его следует беречь, как младенца, от всякого иноверного духа, теперь облегчающего православную Карелию, надо разгонять в их сердцах густой мрак неведения, суеверия и невежества»,

– наставлял Исаакий своих читателей. Примечательны используемые для этого образы несмышленного ребенка и терпеливой матери:

«Надо будить его, не ногою толкая в бок или жезлом власти грозно стучать, а надо взять его за руку и будить его подобно нежной заботливой матери, если и оттолкнет он по неведению заботливую руку, но паки и паки трудиться на ниве трудовой, проливая пот»²¹.

Политическая ситуация требовала от православных публицистов описания конкретного положения дел в приходах и настроений самих прихожан – карельского населения, ставшего объектом пристального внимания лютеранских миссионеров, которые зачастую сочетали собственные задачи с предвыборной агитационной деятельностью в пользу кандидата от какой-либо из партий на выборах в финляндский парламент (сейм). С 1906 года сеймовые выборы были всеобщими для подданных Великого княжества. С этим Исаакию пришлось столкнуться в православной деревне Каунасельгя, находившейся на финской стороне на самой границе с Олонецкой епархией²².

Позже, уже как автор многочисленных путевых заметок о посещении Беломорской, Олонецкой и Приладожской Карелии, иеромонах Исаакий внимательно следил за подобными публикациями в финляндской и центральной печати, в частности на страницах общественно-политической и литературной газеты «Новое время», которая выходила в российской столице до 1917 года. В марте 1916 года в «Карельских известиях» появилась его заметка «Дверь в Европу», в которой он высоко оценил талантливое перо «г-на Ренникова», красноречиво описавшего поездку «на первом пассажирском поезде по новой железной дороге на Север России» – строящейся Мурманской магистрали.

По словам миссионера, в ряде статей для «Нового времени» журналист сумел «картинно изобразить» природные богатства и «чудеса север-

ной природы» – водопады, металлы и минералы, зверей, птиц, рыбу, девственные леса.

«Прочитав эти ценные статьи, нельзя не быть благодарным» за описание «столь дорогих богатств нашего родного, близкого и доселе забытого нами нашего северного края, нельзя не порадоваться, что, наконец, мы, русские, проложили дорогу на Кемь и идем дальше, к незамерзающим берегам океана. Новая железнодорожная линия Петроград – Кемь, в некоторых местах соприкасаясь с Карелией, имеет для последней первостепенное значение»²³,

– пишет Исаакий. Автор заметок в газете «Новое время», повествующих о строительстве магистрали, упомянут Исаакием и в следующем номере «Карельских известий» в связи с рассказом журналиста о жителях села Сорока, которое считалось «центром сельдяного промысла на Поморском берегу». Летом все мужчины уходили оттуда на судах в море, «к морю тянутся на рыбную ловлю и окрестные карелы», – писал Ренников, но способы традиционной рыбной ловли поморов он назвал «самыми примитивными». По его словам, «когда идет сельдь, ее прибытие определяют даже чересчур грубо: спускают в воду шесты и пробуют на ошупь, есть ли сопротивление или нет»²⁴. Описывая природные богатства северного края, журналист столичной газеты был поражен тем, что «поморы иногда сами не знают, что им делать с рыбой, которая идет целыми стаями и охотно лезет в сети без числа и перерыва»²⁵. Однако его замечание, что рыбакам даже «иногда приходится отказаться от дальнейшей работы из-за обилия улова», осталось не разъясненным читателю. За годы войны соль, необходимая для обработки и хранения рыбы, значительно возросла в цене и далеко не всем была доступна в необходимом количестве.

В целом же, с удовлетворением перечислив публикации Ренникова, Исаакий отметил, что они «дают читателю основательное представление о нашем северном крае, о том, чем последний изобилует и в чем нуждается». Свою «рецензию» карельский миссионер завершил следующим заключением:

«Для Карелии новая железная дорога имеет жизненное значение, но нельзя не пожелать, чтобы от проектов скорее перешли к делу, как можно скорее связали главные карельские селения грунтовыми дорогами с железной дорогой. Тогда не страшно будет панфинское влияние в Беломорской Карелии, так как русская жизненная артерия на севере будет питать Карелию русской жизнью, насаждая русскую православную культуру и укрепляя расшатанные лютерано-финским влиянием нервы карела»²⁶.

В этой заметке более чем вековой давности нашли отражение истоки современных представлений массового сознания. По наблюдениям этнолога Ю. П. Шабая, в нем, как и в сознании российской интеллектуальной элиты, север России

«нередко представляется не только единой исторической провинцией, именуемой “Русский Север”, но и сугубо “русским регионом”, культурное наследие которого существенно значимо для формирования русской ментальности и русской культуры».

Исследователь справедливо подчеркивает, что

«культурный миф о “Русском Севере”, очевидно, был важен для формирования общерусской идентичности. Однако Север никогда не был сугубо “русским”, а был и остается полиэтническим регионом, где исторически проживают карелы, саамы, вепсы, ненцы, коми», хотя русские «безусловно, доминируют в северных субъектах Российской Федерации, являясь и этническим большинством, и культурно доминирующей группой» [18].

Более столетия назад, как и сейчас, страна оставалась не только многонациональной, но и многоконфессиональной. Религиозный фактор, который в начале XX столетия объединял карельское и русское православное население российско-финляндского приграничья и ярко проявлял себя в деятельности православного духовенства, непримиримого к приверженцам лютеранского вероисповедания, в период революционных потрясений 1917 года и после обретения Финляндией независимости часто становился причиной конфликтных ситуаций между бывшими подданными Российской империи и приводил к гонениям на православных мирян и особенно на духовенство [7: 228–230].

Одной из иллюстраций глубокого раскола, возникшего в приходах на приграничных территориях, служит мартовское обращение православных священников из Шуйстамо Иоанна и Архипа Михайловых²⁷ в Солдатский комитет Выборгского гарнизона, который возник в первые дни Февральской революции 1917 года. Добиваясь восстановления справедливости, священнослужители, кому «с объявлением свобод пришлось испытать противоположное», просили поддержки Выборгского совета рабочих и солдатских депутатов в урегулировании конфликта с жителями с. Шуйстамо. Накануне здесь

«носились всевозможные ужасные слухи, вплоть до того, что учителя русских школ и духовенство будут изгнаны без имущества: последние должны были, по этим слухам, подвергнуться разграблению»²⁸.

Народное собрание, состоявшееся 8 марта в здании финской народной школы (на нем при-

сутствовало меньше половины православных прихожан села), избрало комиссию с целью немедленно закрыть местную приходскую русскую школу, предложило учителям в 24 часа сдать школьное имущество и освободить занимаемые квартиры. После собрания началось шествие толпы в несколько сотен человек, впереди двигались воспитанники финской народной школы. Демонстранты направились к домам духовенства и выдвинули требование, чтобы приходские священники в трехдневный срок подали архиепископу прошение об увольнении и в течение двух недель также освободили казенные квартиры. Священников Михайловых обвиняли в «русифильской деятельности и провокаторстве», хотя, по их свидетельству, они не проводили «какой-либо пропаганды среди населения и не оказывали давления на него в пользу русских школ», а богослужение, требоисправление и проповеди вели на финском языке²⁹. Священники были уверены, что «кроме пользы населению прихода русские школы не могут ничего принести», ведь значительное количество финнов и карелов «проживает в Петрограде и остальной России, всем им русский язык нужен». По их заявлению, такая обстановка сложилась не только у них: «...закрыты русские школы и в других приходах и изгнаны некоторые священники». Михайловы вынуждены были уехать в Выборг, остались без крыши над головой и без средств к существованию. Они просили депутатов Совета до истечения назначенного двухнедельного срока оказать им содействие в разрешении конфликта, первую скрипку в котором сыграли «пришлые люди, а не местные православные». Священники пояснили, что могут рассчитывать на помощь начальства в переводе их в другие приходы, но понимают, что не будут «ничем гарантированы от подобного и там», да и удастся ли найти частные квартиры «при таком настроении народа». Завершая свое обращение к депутатам Совета, Михайловы напомнили, что в создавшемся положении «православные люди Карелии могут оказаться совсем без священников», поскольку среди местных жителей «сейчас не найдется достаточного количества подготовленных к сему званию лиц». Что и произошло в Шуйстамском приходе, разбросанном на большие расстояния от церкви, где «некоторые деревни находятся за 30 верст», а более 7 тысяч человек «оставлены совершенно без священника»³⁰.

Материалы дела, отложившиеся в коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии, не позволяют ответить на вопрос, чем разрешился конфликт в данном случае.

Однако, учитывая массовый характер острых ситуаций подобного рода в обстановке, когда, выражаясь языком приведенного документа, «“свобода” в глазах некоторых провинциальных деятелей получила такое широкое толкование», безусловно, следует согласиться с утверждением Н. Н. Смирнова о том, что исследователю невозможно отделять церковь от гражданской истории [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публикации путевых заметок отца Исаакия о поездках по Северному Приладожью в начале XX столетия представляют собой необычайно интересный источник, который дает возможность сопоставить приведенные в нем наблюдения над различными сторонами общественной жизни православного карельского населения российско-финляндского приграничья. «Дневники» миссионера, появившиеся на страницах «Олонецких епархиальных ведомостей», и заметки в журнале «Карельские известия» позволяют проследить, как с помощью русской православной публицистики начала XX века складывались представления читательской аудитории об экономическом и социально-культурном состоянии приграничных территорий, о жителях карельских сел и деревень по обе стороны границы с автономным Финляндским княжеством.

В эго-документах нашли отражение этнографические наблюдения путешественника и его размышления относительно истории христианизации края, репрезентации религиоз-

ных традиций у карелов, обозначены проблемы Православной церкви в Карелии в контексте общественных перемен последнего предреволюционного десятилетия российской истории. Автобиографичность источников такого типа особенно наглядно проявилась в описании конфликтной ситуации между православными священниками и жителями с. Шуйстамо, относящейся к весне 1917 года. Письмо священников Михайловых, адресованное депутатам Выборгского совета и сохранившее напряженную атмосферу первых революционных дней с ее стихийными шествиями и распространявшимися тревожными слухами, свидетельствует о социальной дифференциации населения приграничья, его социальной и культурно-ценностной разобщенности. Источник повествует о суровых последствиях яростного противостояния приверженцев православного и лютеранского вероисповеданий в «сражениях за душу карелов», которое в предшествующие годы зачастую носило характер взаимного провоцирования.

В заключение можно отметить, что исследование приходской жизни в рамках отдельных приграничных территорий, основанное на прежде не рассматривавшихся эго-документах православных священников, является жизнеспособным подходом к изучению роли религиозного фактора в социальной истории Пограничной Карелии и позволяет реконструировать более полную картину межэтнического и межконфессионального взаимодействия в период революционных потрясений переломного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Баданов В. Г. Н. К. Чуков – выдающийся земский деятель Олонецкого края // 1917–2017 годы: уроки столетия для Карелии: Материалы науч. конф. (24 ноября 2016 года, г. Петрозаводск) / Отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 133–142; Нагурная С. В. Священники Леликовского прихода: забытые имена // 1917–2017 годы... С. 106–114; Погребов С. Жизнь священномученика // Воспоминания о Гельсингфорсе: Историко-литературный очерк. Helsinki: LitratuS, 2011. С. 94–102; Православие в Карелии: Материалы IV науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархий (25–26 ноября 2015 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 206–263; Сорокин В., протоиерей. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб.: Князь-Владимирский собор, 2005. 736 с. и др.
- ² Биографические сведения о Синодальном миссионере Выборгской епархии иеромонахе Исаакии (Трофимове) см.: Шевченко Т. И. Письма Нового Валаама: труд иноков // Альфа и Омега. 2008. № 3. С. 241.
- ³ Из епархиальной жизни // Православный Финляндский сборник. 1910. № 1. С. 81; Из епархиальной жизни // Там же. 1911. № 1. С. 105.
- ⁴ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 198–199.
- ⁵ Шевченко Т. И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М.: ПСТГУ, 2013; Она же. Валаамские иноки в эпоху гонений. Московское подворье Валаамского монастыря и его насельники после революции 1917 г. М.: ПСТГУ, 2018; Она же. Игумен Харитон. М.: Валаамский монастырь: У Никитских ворот, 2011. 544 с.
- ⁶ Дубровская Е. Ю. Валаамский иеромонах Исаакий (Трофимов): личность и время (Синодальный миссионер Выборгской епархии в карельском приграничье накануне и в годы Первой мировой войны) // VII Валаамские образовательные чтения «Богоизбранная обитель»: к 30-летию возрождения монашеской жизни на Валааме: Материалы междунар. конф. (17–19 мая 2019 г., Валаам) / Валаамский монастырь; ПКПЦ «Свет Валаама». М.: Перо, 2020. С. 67–73; Она же. Валаамский иеромонах Исаакий (Трофимов): Синодальный миссионер

Выборгской епархии в изменяющемся историко-культурном пространстве российско-финляндского приграничья начала XX в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2022. Вып. 23 (1-2). С. 9–19; Она же. Карельское приграничье в провинциальной православной публицистике периода Первой мировой войны и в публицистических материалах национального движения северных карелов 1920 г. // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 134–150.

- ⁷ Исаакий. Дневник катехизатора // Олонецкие епархиальные ведомости (ОЕВ). 1910. № 19. С. 434–439; № 20. С. 457–464; № 21. С. 489–499; № 22. С. 521–528.
- ⁸ Там же. № 19. С. 434.
- ⁹ Там же. № 20. С. 462.
- ¹⁰ Там же. № 19. С. 435.
- ¹¹ Там же. № 20. С. 462.
- ¹² Там же. № 20. С. 463.
- ¹³ Там же. С. 464.
- ¹⁴ Там же. С. 463.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. № 19. С. 438.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. № 22. С. 525.
- ¹⁹ Там же. С. 527.
- ²⁰ Там же. С. 525.
- ²¹ Там же. С. 528.
- ²² Там же. С. 522.
- ²³ Исаакий, иеромонах. Дверь в Европу // Карельские известия. 1916. № 8. С. 3.
- ²⁴ Цит. по: Исаакий, иеромонах. Дверь в Европу // Карельские известия. 1916. № 9. С. 7.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. № 9. С. 7–8.
- ²⁷ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии), коллекция «Русские военные бумаги». Д. 3167. Разрозненные бумаги. Л. 1–4.
- ²⁸ Там же. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Л. 3–4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антюхова Е. А., Блохин В. Ф. Трансформация публичной сферы в годы Первой мировой войны: отношение к войне и миру // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 6–19. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.1.1
2. Басова Н. А. Служение мученика Уара (Шмарина) на острове Матсинсаари (1910–1916 годы) // Православие в Карелии: Материалы IV науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (25–26 ноября 2015 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 243–252.
3. Витусновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки; СПб.: Норма, 2006. 384 с.
4. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
5. Илюха О. П. Репрезентация «племен» и «народов» в «Олонецких епархиальных ведомостях» // Олонецкие епархиальные ведомости (1898–1918): Библиографический указатель / Сост., вступ. ст. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 13–24.
6. Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Изд-во Свято-Кижского Патриаршего Подворья, 2009. 304 с.
7. Коллиандер С., протоиерей. О причислении двух подвижников веры и благочестия с именем «Иоанн» к лику святых Финляндской Православной Церкви: пр. Иоанн Валаамский и мч. и исп. Иоанн из Иломантси // VII Валаамские образовательные чтения «Богоизбранная обитель»: к 30-летию возрождения монашеской жизни на Валааме: Материалы междунар. конф. (17–19 мая 2019 г., Валаам) / Валаамский монастырь; ПКПЦ «Свет Валаама». М.: Перо, 2020. С. 220–232.
8. Кораблев Н. А. Создание и деятельность Православного Карельского братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 121–171.
9. Лисовой Н. Н., Назаренко А. В., Мельникова Л. В., Смирнова И. Ю. Империя и церковь в истории России: духовные основы политики, национальной безопасности и русского присутствия в мире (XVIII – начало XX в.) // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 70–97.
10. Мусатов В. И. Между Западом и Востоком: Православие в автономной и независимой Финляндии (1890-е – 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 538 с.

11. Нетужилов К. Е. Православные периодические издания в Великом княжестве Финляндском // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во РХГА, 2004. С. 230–236.
12. Н и л о в В. М. Орган местной гласности. Роль периодической печати Олонецкой губернии в развитии общественного сознания: В 2 ч. Ч. 2. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 127 с.
13. Религиозный фактор в годы гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / Под ред. А. С. Пученкова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. 572 с.
14. С м и р н о в Н. Н. «Нельзя отделять церковь от гражданской истории...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64
15. С м и р н о в Н. Н. Религиозный фактор: проблемы дефиниции и практики // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 18–19 окт. 2023 г.) / Отв. ред. Д. И. Петин. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 308–318.
16. С у р ж и к о в а Н. В. Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 25–34.
17. Х о д а к о в с к а я О. И. Дело жизни епископа Киприана (Шнитникова) (1879–1914) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. № 4 (33). С. 26–50.
18. Ш а б а е в Ю. П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика, идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2 (322). С. 54–63.
19. Ш и к а л о в Ю. Г. Язычники, православные, сектанты, лютеране? Религиозная ситуация в Беломорской Карелии (вторая половина XIX – начало XX века). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 99 с.
20. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / Под ред. М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.

Поступила в редакцию 07.07.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Elena Yu. Dubrovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1893-7873; ldubrovskaya@inbox.ru

THE RELIGIOUS FACTOR WITHIN THE CONTEXT OF SOCIAL CHANGES IN BORDER KARELIA DURING THE EARLY XX CENTURY

Abstract. This article examines ego-documents of Orthodox priests from the early XX century, focusing primarily on diary entries published in 1908 in the *Olonetskiye Gubernskkiye Vedomosti* (*Olonets Province Gazette*) and in 1916 in *Karelskiye Izvestia* (*Karelian Announcements*). These texts were authored by Hieromonk (originally Hierodeacon) Isaac (Ivan Romanovich Trofimov) of the Valaam Monastery, an assistant to the Karelian Synodal Missionary. The significance of these documents lies in their role as a vital component of the regional culture of the Karelian-Finnish border area, being a part of an extensive shared cultural heritage and at the same time reflecting the regional specificities of the bordering territories influenced by religious and national factors on both sides of the border. Despite numerous studies on religious life in Karelian villages in the early XX century, a detailed content analysis of the missionary's ethnographic notes and his reflections on the spiritual world of the Karelian peasantry, based on his visits to specific settlements in the Salmi Uyezd, has not been undertaken. The sources enable to identify the territorial aspects of the interaction between the two dominant confessional spaces in Border Karelia – the Orthodox and Lutheran faiths – during the final period of the Russian Empire. Additionally, this study introduces, for the first time, an appeal from the Mikhailov priests from the village of Suistamo to the Vyborg Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, preserved in the National Archives of Finland. Dated at the onset of the February Revolution of 1917, this "Letter to Power" offers a firsthand account of the consequences of mutual provocations between warring parties in "battles for the soul of the Karelians". The research concludes that studying parish life in specific border regions through previously unexamined ego-documents authored by Orthodox priests provides a viable approach to understanding the role of the religious factor in the social history of Border Karelia during this period.

Keywords: Border Karelia, Orthodox priests, hieromonk Isaac, travelogue, "Letters to Power", pre-revolutionary decade, 1917

Acknowledgements. The article was written as part of the state research task No 124022000029-0 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Dubrovskaya, E. Yu. The religious factor within the context of social changes in Border Karelia during the early XX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):62–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1352

REFERENCES

1. Antyuhova, E. A., Blokhin, V. F. Transformation of the public sphere during World War I: attitude to war and peace. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2022;27(1):6–19. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.1.1 (In Russ.)
2. Basova, N. A. The mission of Martyr Warus (Shmarin) on Mantsinsaari Island (1910–1916). *Orthodoxy in Karelia: Proceedings of the IV Research Conference Dedicated to the 25th Anniversary of the Revival of the Petrozavodsk and Karelian Eparchy (25–26 November 2015, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2016. P. 243–252. (In Russ.)
3. Vitukhnovskaya, M. A. Russian Karelia and the Karelians in the imperial policy of Russia, 1905–1917. Helsinki; St. Petersburg, 2006. 384 p. (In Russ.)
4. Dubrovskaya, E. Yu., Korablev, N. A. Karelia during World War I: 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 432 p. (In Russ.)
5. Ilyukha, O. P. Representation of “tribes” and “peoples” in the *Olonetskiye Eparkhialniye Vedomosti (Olonets Eparchy Gazette)*. *Olonetskiye Eparkhialniye Vedomosti (1898–1918): Bibliographic index*. (N. G. Urvantseva, Ed.). Petrozavodsk, 2018. P. 13–24. (In Russ.)
6. Kozhevnikova, Yu. N. Monasteries and monasticism of the Olonets Eparchy in the second half of the XVIII – early XX centuries. Petrozavodsk, 2009. 304 p. (In Russ.)
7. Kolliander, S., Archpriest. On canonization of two devotees of faith and piety named “John” by the Orthodox Church of Finland: St. John of Valaam and Holy Martyr and Confessor Johannes of Ilomantsi. *The VII Valaam Educational Readings “The God-Chosen Monastery”: celebrating the 30th anniversary of the revival of monastic life on Valaam: Proceedings of international conference (17–19 May 2019, Valaam)*. Moscow, 2020. P. 220–232. (In Russ.)
8. Korablev, N. A. Establishment and activity of the Karelian Orthodox Brotherhood in the territory of Russian Karelia. *Karelians of the Russian-Finnish borderland in the XIX and XX centuries*. Petrozavodsk, 2013. P. 121–171. (In Russ.)
9. Lisovoy, N. N., Nazarenko, A. V., Melnikova, L.V., Smirnova, I. Yu. The Empire and the Church in the history of Russia: spiritual foundations of politics, national security, and Russian presence in the world (XVIII – early XX centuries). *Historical memory and Russian identity*. (V. A. Tishkov, E. A. Pivneva, Eds.). Moscow, 2018. P. 70–97. (In Russ.)
10. Musaev, V. I. Between West and East: Orthodoxy in autonomous and independent Finland (1890s–1930s). St. Petersburg, 2014. 538 p. (In Russ.)
11. Netuzhilov, K. E. Orthodox periodicals in the Grand Duchy of Finland. *St. Petersburg and Nordic countries: Proceedings of annual international scientific conference*. St. Petersburg, 2004. P. 230–236. (In Russ.)
12. Nilov, V. M. The organ of local publicity. The role of the periodical press of the Olonets Province in the development of public consciousness: In 2 parts. Part 1. Petrozavodsk, 2017. 127 p. (In Russ.)
13. The religious factor during the Civil War in Russia: phenomenon, significance, regional specifics. (A. S. Puchenkov, Ed.). St. Petersburg, 2024. 572 p. (In Russ.)
14. Smirnov, N. N. “The Church cannot be separated from civil history...” *Omsk Scientific Bulletin. Series “Society. History. Modernity”*. 2022;7(2):57–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64 (In Russ.)
15. Smirnov, N. N. The religious factor: problems of definition and practice. *The Civil War in Eastern Russia: a look through the documentary legacy: Proceedings of the V international scientific and practical conference (Omsk, 18–19 October 2023)*. (D. I. Petin, Ed.). Omsk, 2023. P. 308–318. (In Russ.)
16. Surzhikova, N. V. Russia of 1917 in national and foreign ego-documents. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2017;4:25–34. (In Russ.)
17. Hodakovskaja, O. I. The cause of the life of Bishop Cyprian (Shnitnikov) (1879–1914). *St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 2009;4(33):26–50. (In Russ.)
18. Shabaev, Yu. P. Peoples of the European North of Russia: position, specifics, identities. *Sociological Studies*. 2011;2(322):54–63. (In Russ.)
19. Shikalov, Yu. G. Pagans, Orthodox, sectarians, Lutherans? The religious situation in the White Sea Karelia (the second half of the XIX and early XX centuries). Petrozavodsk, 2014. 99 p. (In Russ.)
20. Ego-documents: Russia of the first half of the XX century in inter-source dialogues. (M. A. Litovskaya, N. V. Surzhikova, Eds.). Moscow; Ekaterinburg, 2021. 408 p. (In Russ.)

Received: 7 July 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026